

Вспоминая В.В. Воеводского

15—21 июля в новосибирском Академгородке пройдут VIII Международная конференция «Физика и химия элементарных химических процессов» и Молодёжная научная школа «Магнитный резонанс в химической и биологической физике», приуроченные к 95-летию со дня рождения академика Владислава Владиславовича Воеводского.

Предлагаем читателю воспоминания доктора физико-математических наук Анатолия Бурштейна о работе с В.В. Воеводским в Институте химической кинетики и горения, который сегодня носит его имя.

Моё знакомство с новоиспечённым членом-корреспондентом АН СССР Владиславом Владиславовичем Воеводским (в быту ВВ) состоялось в 1958 году при весьма драматических (для меня) обстоятельствах. Я уже три месяца мыкался в Москве в ожидании приёма в Институт ядерной физики только что созданного Сибирского отделения АН, но кадры (читай — органы), обслуживавшие ИЯФ, не допустили этого, несмотря на решение А.М. Будкера — директора института. Последний, отчаявшись, посоветовал мне искать иную работу в другом месте и, устроившись, позвонить ему оттуда. Вместо этого я ринулся стучаться во все двери остальных физических институтов СО АН и даже приглашён был в два из них без проблем. Тут-то один из моих радетелей — профессор химических наук — посоветовал мне не брезговать химией и не медля ни минуты позвонил ВВ, рекомендуя меня с лучшей стороны. Разговор был бурный: Воеводский отнекивался, ссылаясь на то, что в его небольшой пока группе уже есть двое теоретиков — и куда ему, экспериментатору деть их всех. Мой реккомендатель стучевался, замаялся, но всё-таки убедил ВВ принять меня и прощупать.

Как и было условлено, я явился к ВВ домой, отнюдь не будучи в восторге от перспективы сменить физику на химию. Но состоялся разговор, может быть, самый важный в моей жизни. Мне было, что выложить на стол. Свеженький выпускник Одесского университета, распределённый учителем в болгарское село Благооево под Одессой, я, однако, имел за спиной несколько собственных статей, посланных в ведущие физические журналы и собранных в дипломной работе, которую рекомендовал в печать сам «папа» отечественной физики академик Абрам Фёдорович Иоффе (и впоследствии изданной «Физматгизом» в серии книг о полупроводниках). Эта тематика была очень далека от химии, но сыграло роль то, что ВВ был сам из того же ленинградского куста ученых, возглавляемого А.Ф. Иоффе, и рекомендация последнего перевешивала мой «волчий билет» в кармане. И хотя Электронный Парамагнитный Резонанс (ЭПР), который намеревался внедрить в химию ВВ, был мне абсолютно незнаком, оказалось, что это чистая физика, и притом первой свежести. Немаловажно и то, как я был встречен и обласкан в этом доме: ни малейшего чванства и полное понимание проблематичности моего положения — отказника от распределения и еврея. В то же время ВВ хотел, чтобы я предстал перед его семинаром с докладом об ЭПР — дабы выяснить, в какой мере я компетентен именно в этой области и насколько могу быть ему полезен. На том и порешили.

Сделать доклад — не проблема, но как узнать про ЭПР? В тот момент не только книга, но даже и серьёзных обзоров на эту (совершенно новую) тему ещё не появилось. Выход нашёлся в Ленинской библиотеке, где хранились копии всех диссертаций, в том числе и недавней защищённой докторской работы Альтшуллера — пионера теоретических исследований магнитного резонанса, ближайшего соратника его первооткрывателя Е.К. Завойского. Простудировав её от корки до корки, я сотворил приличный доклад и ответил на все вопросы аудитории сотрудников и соратников ВВ.

Один из них — Лев Александрович Блюменфельд — настолько уверовал в мою компетентность, что поинтересовался, где я видел прибор ЭПР в действии, и, узнав, что нигде, вызвался показать мне его, отвез в свою лабораторию и включил установку. Недавний триумфатор, то есть я, ялился на экран, ничего не понимая, не узнавая сигнала, о котором только что вещал битых два часа. Как выяснилось, на монитор экспериментаторы выводили не сам сигнал, а производную от него, имевшую, естественно, совершенно иную форму. Но мой авторитет в их глазах не пострадал, и мне предложили должность младшего научного сотрудника в лаборатории ВВ.

Надо сказать, что этот доклад сыграл решающую роль в моем предпочтении ИХКИГ всем остальным институтам. Только здесь я подвергся экзамену, свидетельствующему о том, что люди намереваются делать науку, а не только карьеру, и притом не рутинную, а абсолютно новую. Именно за неё ВВ и был удостоен впоследствии Ленинской премии.

Впрочем, и после моего официального вступления в должность не обошлось без проблем. Блудящие чистоту кадров органы не отпустили от меня и заблокировали получение допуска к секретным работам, из-за чего я три месяца был не вхож в Институт химической кинетики и горения (ИХКИГ), где работала остальная лаборатория, делая свою науку у Блюменфельда, лаборатория которого находилась в заброшенной церквушке в центре Москвы. Отсутствие допуска стало в конце концов поводом для моего увольнения, которое директор ИХКИГ поручил сделать своему заместителю, П.М. Пурмалю, бывшему латышскому стрелку из охраны Ленина, прошедшему Гражданскую и Отечественную войны. Тот, не будь дурак, полез в архив и выяснил, что за мной нет ничего: отец и мать — члены партии, сам я тоже чист и молод. «За что же третируют, — взъярился Пурмаль, — уж не за то ли, что он еврей? Да я таких в 19-м году лично к стенке ставил!» Это он сам мне рассказывал годы спустя, когда я посетил заслуженного пенсионера на его квартире в Москве. А тогда он просто решил проблему, пользуясь своими давнишними связями в органах, и через пару дней я был при допуске. Восхищённый ВВ только и сказал: «Пурмаль сделал для тебя такое, чего бы я при всем желании не смог бы!». ВВ сам, будучи сыном репрессированного отца, немало обид натерпелся, отказываясь отречься от него. О дискриминации евреев в СССР он тоже знал не понаслышке.

В Новосибирске вся лаборатория во главе с ВВ приехала в одном вагоне поезда Москва — Пекин в январе 1961 и была встречена небывалым холодом. Однако жильём все мы были обеспечены, хотя институт всё ещё достраивался. ВВ обосновался в коттедже, и там же постоянно толкалась значительная часть лаборатории, образуя нечто вроде коммуны. Будучи уже человеком женатым, я бывал там от случая к случаю, радуясь и удивляясь этой гармоничной «тимуровской команде», в которой «Тимур» был старше всех остальных едва ли не на 20 лет! Даже в лыжные походы по выходным ходили вместе. Здесь самое время упомянуть, что эта гармония существовала благодаря беспрецедентному для тех лет демократическому устройству лаборатории — нашего мини-государства. В этом целиком и полностью заслуга В.В. Воеводского.

Начать с того, что все без исключения работы, направлявшиеся в печать, проходили обязательное обсуждение на нашем общем еженедельном семинаре и только после его одобрения получали право на публикацию. Обсуждение бывало жёстким, бескомпромиссным и не всегда удачным для докладчика. Посещение семинара являлось обязательным и любая критика — допустимой и равноценной. Мы все и всегда были в курсе того, что делается; а ежегодные научные курсы высвечивали лучшее из сделанного. Эта система и манера дискуссии были внедрены Воеводским, как правило, руководившим семинарами. Но самым важным событием года бывало общее собрание, на котором обязан был высказаться каждый участвующий: о целях исследований, их ошибках и провалах. Более того: выбор стратегии и направления нашего развития решался абсолютно демократически, без прессинга со стороны ВВ. Нигде больше, даже в наших собственных лабораториях, размежевавшихся впоследствии, этот обычай не привился, но невозможно переоценить психологического влияния на нас этой доморощенной демократии, столь чуждой окружающей нас действительности.

Моя диссертация (она же диплом) была готова к защите уже в момент поступления на работу (и действительно была защищена после публикации статей и книги несколько лет спустя). Я не торопился, потому что считал необходимым доказать свою способность

вклинуться в новую для меня науку, сделать что-нибудь в области ЭПР. Такая возможность представлялась ещё в Москве, где мне удалось проинтерпретировать феномен, открытый сотрудником ВВ Стасом Солодовниковым. Первое, что я сделал — это принес готовую статью на подпись к ВВ. Тогда считалось, что шеф — обязательно также и соавтор. В Сибири был институт, где абсолютно все работы, сделанные в нём, непременно подписывал директор, член Академии. Но не тут-то было. ВВ решительно отказался и даже разбушевался: «Тьфу-тьфу-тьфу, — тараторил он, брызгая слюной, — никогда в жизни теоретических статей не подписывал и впредь не стану позориться». Так и случилось, что у меня не было с ним общих публикаций, за исключением единственной, написанной им вместе с Казанским и Парижским. Будучи экспериментаторами, они, по-видимому, получили у меня консультацию по теме и потому сочли своим долгом присовокупить меня к авторам, что стало мне известно много лет спустя. Привыкнув работать самостоятельно с самого начала, я побуждал к этому и своих учеников, хотя, как правило, они решали задачи, мною поставленные. Однако те из них, которые выходили на защиту кандидатской диссертации, обязаны были поставить, решить и опубликовать по крайней мере одну собственную работу, сделанную без моего участия. Только такой пострел и созрел!

Ученики попадали ко мне с физфака НГУ, где я читал общий курс физики на кафедре у Будкера — с подачи Воеводского. Это ему воздалось, когда на курсе образовалась самозванная кафедра молекулярной физики, снабжавшая отменными кадрами не только теоретическую, но и все другие лаборатории института. Они и возглавили их впоследствии и вдохнули жизнь в дочерний Томографический центр, отделавшийся от ИХКИГ.

Но это случилось много позже, а тогда, в первые годы, молодым выпускникам НГУ ничего не светило, кроме работы: нигде было ни отдохнуть, ни поразвлечься. Один кинотеатр «на всю губернию». И тогда возникла идея создать молодёжный клуб-кафе, по образцу появившихся в Москве. Случилось так, что я стал его первым и на вечном президентом. Но места для клуба не было, и решила переделать в него рабочую столовую напротив ИХКИГ. Президиум СО АН одобрил идею и даже выделил деньги, противилась только административная верхушка Академгородка. Дошло до того, что я в ярости выступил на Президиуме, обвиняя их в саботаже. «Что вы, что вы, тут так не говорят», — шикала на меня со всех сторон, но мудрый М.А. Лаврентьев рассудил иначе, создал комиссию по детальному рассмотрению вопроса по главе... с академиком Воеводским. Последний собрал в своём кабинете всех заинтересованных лиц, включая нас грешных, и некоторое время выслушивал высокопоставленных бюрократов о трудностях строительства, нехватке материалов и текучести кадров пока не взбеленился окончательно и в буквальном смысле слова орал на Лаврова — заместителя Лаврентьева по хозяйству. Я никогда не видел его в таком гневе, он буквально рычал на него: «Что вы нам лапшу на уши вешаете? Вам приказали — вы делайте! А с объективными трудностями извольте разбираться сами. Решение СО АН должно быть выполнено в кратчайшие сроки». Так и случилось.

С тех пор целых пять лет мы пропадали по вечерам в клубе, названном «Под интегралом», устраивая встречи с маститыми учёными и бывшими экама, а также политические дискуссии, выставки андеграунда, концерты бардов, а по субботам танцы и курсы красоты. Клуб снискал себе всеобщую известность, особенно после того, как провёл первый Всесоюзный слет бардов, предоставив сцену 20-ти певцам, включая Галича, который первый и единственный раз в СССР пел перед тысячной доброжелательной аудиторией. Подумать только, что всего этого могло и не быть, если бы не своевременное и крутое вмешательство ВВ.

Он помог нам не одиножды. Клуб имел обыкновение на все демонстрации (в мае, ноябре) ходить собственной колонной со своими придуманными, а главное, неофициальными лозунгами, типа: «Радость народу»,

«Молодежные клубы, объединяйтесь!» и т.п. Но «оттепель» приближалась к концу, и РК партии решил с этим покончить. Меня вызвали на ковёр и предложили стать в строй. Я, однако, заявил, что не могу своей властью что-либо запретить нашим людям, разве что собрать их всех и предложить трибуну партийному оратору для переубеждения коллектива. Идея секретаря РК не устроила, и он позвонил ВВ с тем, чтобы он нажал на меня. Состоялась беседа, в которой шеф ещё раз явил себя демократом, то есть нашим единомышленником. Не обнаружив криминала в наших действиях, он предложил компромисс: «Добавьте еще один лозунг, например, такой: «Студенты Беркли — мы с вами против войны во Вьетнаме!» На том и сошлись. Наша молодёжная колонна, дополненная актёрами из гостившего в «Интеграле» театра Розовского, в сценических одеждах из своего РППР-волюционного спектакля гордо шествовала в полной тишине мимо обалдевшей трибуны, как вдруг наш бармен, гордо выступавший впереди со знаменем в руках, как заорёт благим матом: «Лозунг давай!» И тут же репродуктор откликнулся обескуражено: «Да здравствует советская молодёжь!».

Мы и здравствовали, пока не грянул тот знаменитый фестиваль 1968-го, сорвав все маски и подняв большую волну. Ещё раньше у клуба отняли все штаты, обеспечивавшие ежедневную работу «Интеграла», и его самокупаемость. Пришлось объявить о самопуске.

...Всё ещё шло, как заведено: наука двигалась, семьи увеличивались. ВВ всё время пропал за границей, где благодаря знанию нескольких языков всегда бывал желанным гостем. Возвращаясь, он никогда не забывал притащить в лабораторию целую кучу сувениров: шариковых ручек, жвачек и всего того, что было недоступно в СССР. Ничто не предвещало беды. Как вдруг звонок из его коттеджа: «Толя, случилось невероятное — ВВ умер» Гром среди ясного неба. Все потрясены и растеряны: собираемся скопом лететь в Москву, чтобы попрощаться с ним там, в конференц-зале ИХФ, его альма-матер. Весь химический бомонд там же, включая академика Н.Н. Семёнова, директора ИХФ, Нобелевского лауреата. Чрезвычайно расстроены. Прослезился, шепча: «Уж лучше бы я вместо него». Любимый ученик. Флагман советской химфизики.

На этом надо бы и закончить, если бы не было фиаско с увековечиванием его памяти. В нем не виновны городские власти, сразу решившие назвать улицу, где стоял коттедж Воеводского, его именем. Беда, однако, в том, что она вся состоит из коттеджей, утопленных во дворах, а согласно правилам на ней должна красоваться мемориальная доска с его портретом и именем. Доску сделали по всем правилам, а прибавить негде: нет ни одной стены на этой улице, а коттеджа и не увидишь за деревьями. Обратились ко мне, и мы с Лёшей Богомоловым (постоянным членом упоминавшейся «тимуровской команды») придумали выход. На строительстве ОбьГЭС использовались огромные гранитные валуны, часть из которых не понадобилась и празднично проводила время рядом с ГЭС. Нам не составило труда перевезти один из них на улицу Воеводского и водрузить на постамент рядом с его коттеджем. Теперь было куда прибавить доску, но перед самой этой акцией меня унесло куда-то за рубеж, а по возвращении я нашёл наш памятник взорванным. Оказалось, решили, что нечего, мол, превращать Академгородок в мемориальное кладбище. Теперь, увы, не догадаться, по какой улице гуляешь в Долине, и кто на ней жил и творил.

А. Бурштейн,
профессор Института Вейцмана, Израиль
Фото Р. Ахмерова